
Павел Барковский

**ФИЛОСОФСКИЙ СМЕХ КАК ИРОНИЯ И ЮМОР
САМОПОЗНАНИЯ**

В статті викладено доробки порівняльного аналізу двох типів філософського сміху. Один з них — «метафізичний регіт», пов'язаний з іронією та пошуками первинного змісту всупереч явності. Інший є гумором парадоксів, тим, що засновано на усуванні кордонів поміж сенсом і безглуздям та знаходженні нової глибини на поверхні буття і мислення.

Ключові слова: сміх, іронія, гумор, парадокс, дзен.

В работе осуществляется сравнительный анализ двух типов философского смеха — «метафизического хохота» (связанного с иронией, поисками первичного смысла вопреки очевидностям), и юмора парадоксов, основанного на снятии границ между смыслом и бессмыслицей, обнаружении новой глубины на поверхности бытия и мышления.

Ключевые слова: смех, ирония, юмор, парадокс, дзен.

In the article the comparative analysis of two types of philosophical laugh is realized: the first one, based on irony and the search of the deeper meaning despite the obviousness, as “metaphysical laughter”, and the second one of the paradoxical humor, based on the removal of the borders between sense and nonsense, on discovery of the new deepness on the surface of being and thought. Through the various examples from the treasury of the philosophical and worldly wisdom it stated the need to rethink the grounds of our philosophical investigation and of the disclosure of new horizons of meaning.

Keywords: laugh, irony, humor, paradox, Zen.

«О, эти греки! Они умели-таки *жить*, для этого нужно храбро оставаться у поверхности, у складки, у кожи, поклоняться иллюзии, верить в формы, звуки, слова, в весь Олимп иллюзии! Эти греки были поверхностными — *из глубины*! И не возвращаемся ли мы именно к этому, мы, сорвиголовы духа, взобравшиеся на самую высокую и опасную вершину современной мысли и осмотревшие себя оттуда, посмотревшие оттуда вниз? Не являемся ли мы именно в этом — греками? Поклонниками форм, звуков, слов? Именно поэтому — художниками?» — писал в своем предисловии к «Веселой науке» великий Ницше [7, с. 328]. «Глубже всякого дна — поверхность и кожа», — вторит ему Ж. Делёз в своей «Логике смысла» [3, с.190].

И первое, и второе признание отрицают ложно понятую метафизическую глубину и сопряженную с ней серьезность, однако Делёз в своих рассуждениях куда радикальнее Ф. Ницше. Последний с очевидностью провозглашает *новую* глубину, *иную* глубину, *веселую* глубину, лежащую у поверхности и потому незаметную окружающим метафизическим меланхоликам. В этом плане глубина приравнена масштабом к высоте: мысль, воспарившая к вершинам духа, обнаруживает потаенные бездны, которые вовсе не покрыты беспросветным мраком, а обретаются на лике жизни, даны непрестанно, стоит лишь протянуть руку, однако заметны становятся – едва отбрасываются маски серьезности, которые прикрывают многочисленные глупости человеческого рода, в том числе и метафизические. Заратуштра провозглашает приход этой новой мудрости, злой и веселой одновременно, которая высмеивает попытки обнаружить глубину там, где она изначально отсутствовала – в трансцендентном, субстанции, Истине, Боге. Для Ницше эта новая глубина отличается от предыдущей и содержательно, и формально. Ее интересует кожа, поверхность бытия, то, что знаменует собой эфемерное понятие жизни, содержащей ее исток. Форма же обращенной к жизни мудрости не может не быть художественной, поэтической: она есть искусство, игра света и звука, ποιησις – творчество в исконном эллинском значении слова. Философская мудрость вынуждена избегать своей наивысшей опасности – погружения в бездну меланхолии, маниакальной серьезности в вопрошании бытия. Вовсе не разум в его сосредоточенности и логической твердости, управляемый аполлоническим стремлением к порядку, способен направлять эту мудрость.

«Парадокс – это освобождение глубины, выведение события на поверхность и развертывание языка вдоль этого предела. Юмор – искусство поверхности, противопоставленное старой иронии – искусству глубины и высоты. Софисты и киники уже сделали юмор философским оружием против сократической иронии, но со стоиками юмор обрел свою диалектику, свой диалектический принцип, свое естественное место и чисто философское значение», – добавляет к сказанному выше Ж. Делёз [3, с. 25] и – переносит проблему на совсем иной уровень. Глубине как таковой с ее пищеварительными реминисценциями противопоставлена метафизическая поверхность, обладающая одновременным эффектом смысла и бессмыслицы. Она есть «основание, сводящее на-нет» индивидуальное и личностное начало философствования. Подобная поверхностность мышления противостоит не только субстанциальной глубине и метафизической серьезности в отыскании истин, она обрушивается также и на последнее прибежище глубины, надежно

упакованное в одеяние иронии, отрицания самое себя. Сократическая ирония, согласно Делёзу, присовокупившему свой голос к доводам С. Кьеркегора, ратует за «соразмерность бытия и индивидуальности», причем не в пользу первой: ироник непрестанно перебирает этот мир как совокупность положений, возможностей, в которых он выступает под разными масками, но одолевает смертной тоской, поскольку никакая реальность не может удовлетворить требованиям его индивидуальности. Выставляя в ложном свете метафизические измышления других, иронический мыслитель обнаруживает тоску по внутренней метафизической глубине, которую он в себе открывает и жаждет распространить на познание всего бытия. Отсюда его ирония продолжает балансировать на тонкой грани комического и трагического: она обнаруживает парадокс несовпадения бытия и воображения, каковой звучит нелепо и вследствие этого смешно, но непрестанно подгоняет мысль к поискам иной глубины, поискам, которым не суждено завершиться победой, обрести «золотое руно» – истину истин, единство смысла. В этом отношении иронический философ остается преимущественно замаскированным мыслителем глубины, а его смех – горьким от осознания невозможности совпадения своего Я и реальности представлений. Смех ироника направлен на то, чтобы собеседник уразумел столкновение своих представлений об общем явлении и его частных свойствах, он вскрывает конфликт знания или конфликт слов и вещей, чья нестыковка как раз и рождает смех окружающих.

Например, так действует Сократ, общаясь с согражданами:

«А вот, Мелет, скажи нам еще, ради Зевса: что приятнее, жить ли с хорошими гражданами или с дурными? Ну, друг, отвечай! Я ведь не спрашиваю ничего трудного. Не причиняют ли дурные какого-нибудь зла тем, которые всегда с ними в самых близких отношениях, а добрые – какого-нибудь добра?»

– Конечно.

– Так найдется ли кто-нибудь, кто желал бы скорее получать от ближних вред, чем пользу? Отвечай, добрейший, ведь и закон повелевает отвечать. Существует ли кто-нибудь, кто желал бы получить вред?»

– Конечно, нет.

– Ну вот. А привел ты меня сюда как человека, который портит и ухудшает юношей намеренно или ненамеренно?

– Который портит намеренно.

– Как же это так, Мелет? Ты, такой молодой, настолько мудрее меня, что тебе уже известно, что злые причиняют своим ближним какое-нибудь зло, а добрые – добро, а я, такой старей, до того

невежествен, что не знаю даже, что если я кого-нибудь из своих близких сделаю негодным, то должен опасаться от него какого-нибудь зла, и вот такое-то великое зло я добровольно на себя навлекаю, как ты утверждаешь!» [8, с. 79].

Здесь эпитеты, обращенные к собеседнику, пародируют несоответствие его образа состоянию, а общее мнение наглядно конфликтует с частными суждениями, что провоцирует праведный смех собравшейся публики.

Однако старый метафизический смех заменяется более молодым: юмор приходит на место иронии, ученики идут дальше учителя, сократики побеждают самого Сократа. Юмор обнаруживает совпадение совсем иного свойства, речь уже идет о приходе принципиально новой ценности, являющей «соразмерность смысла и нонсенса»: «Юмор – искусство поверхностей и двойников, номадических сингулярностей и всегда ускользающей случайной точки, искусство статичного генезиса, сноровка чистого события и «четвертое лицо единственного числа», где не имеют силы ни сигнификация, ни денотация, ни манифестация, а всякая глубина и высота упразднены» [3, с. 190]. Недаром он манифестирует себя ближайшим образом в откровении стоической мудрости и дзен-буддистском коане – мышлении, получившем свое основание в парадоксальности самого бытия, совпадении и расхождении поверхности и глубины, смысла и бессмыслицы. Метафизический хохот овладевает мыслью, когда она обнаруживает свою неспособность разрешить данный парадокс формально-логическими средствами. Юмор основательнее простой иронии, поскольку не претендует на «тайное знание», его истина очевидна и непотаенна, но также далека от возможного обладания собой.

Пример такого рода парадокса и дарованного им смеха дает нам суфийская притча. Например, следующие пять:

1. Книга Мудрости

СИМАБ сказал: «Я буду продавать Книгу Мудрости за сто золотых монет, и некоторые скажут, что это дешево». *Юнус Мармар* сказал ему: «А я предложу ключ к ее пониманию, и почти никто не возьмет его, даже даром».

2. Почти яблоко

НАДЖРАНИ сказал: «Если вы говорите, что можете “почти понимать”, вы говорите бессмыслицу». *Богослов*, которому нравилось это выражение, спросил: «Не могли бы вы указать нам эквивалент этому в обычной жизни?» «Пожалуйста, – ответил *Наджрани*, – это равносильно высказыванию, что нечто “почти яблоко”».

3. Имам Бакир

ГОВОРЯТ, что имам Мухаммад Бакир рассказал такую пояснительную историю: «Обнаружив, что я могу говорить на языке муравьев, я обратился к одному из них и спросил: “Чему подобен Бог? Похож ли он на муравья?” Тот ответил: “Бог! Нет, ну что вы – у нас только одно жвало, а Бог, у Него – два!”»

4. Бахауддин

Кто-то сказал Бахауддину Накибанди: «Вы рассказываете истории, но не говорите нам, как их понимать». Он ответил: «Как бы вам понравилось, если бы человек, у которого вы купили персик, съел бы его у вас на глазах, оставив вам только кожуру?»

5. Видение

РАССКАЗЫВАЮТ, что философ Авиценна спросил суфия: «Что было бы видимым, если бы не было никого, чтобы видеть?» Суфий ответил: «Что не могло быть увиденным, если бы был видящий?» [5].

Юмор, основанный на парадоксе, проявляется также в коанах и притчах дзен:

1. Дзен Дзёсю

Дзёсю начал изучать Дзен в 60-летнем возрасте (...). Однажды студент спросил его: «Если у меня нет ничего в голове, что мне делать?» Дзёсю ответил: «Выброси его оттуда». «Но если у меня нет ничего, как же я могу это выбросить?» – продолжал спрашивать студент. «Ну, – сказал Дзёсю, – тогда вытащи его».

2. Самая ценная вещь в мире

Созана, китайского мастера Дзен, студент спросил: «Что всего ценнее в мире?» Мастер ответил: «Голова мертвой кошки». «Почему?» – снова спросил студент. Созан ответил: «Потому что никто не сможет оценить ее».

3. Каменный разум

Хоген, китайский мастер Дзен, жил один в маленьком храме в деревне. Однажды четыре странствующих монаха попросили его разрешить им разжечь костер и обогреться. Когда они устроили костер, Хоген услышал, что они спорят об объективности и субъективности. Он присоединился к ним и сказал: «Вот большой камень. Как вы считаете, находится он внутри или вне нашего сознания?» Один из монахов ответил: «С буддистской точки зрения всякая вещь является воплощением сознания, так что, по-моему, камень находится внутри сознания». «Твоя голова, должно быть, очень тяжелая, – сказал Хоген, – если ты таскаешь в своем сознании такие камни».

4. Время умереть

Иккю, дзенский мастер, был очень умен, даже когда был еще мальчиком. У его учителя была драгоценная чаша для чая, редкая антикварная вещь. Случилось так, что Иккю разбил эту чашу и очень растерялся. Услышав шаги учителя, он спрятал осколки чаши за спину. Когда мастер вошел, Иккю спросил: «Почему люди умирают?» «Это естественно, – объяснил старик. – Все должно умереть, и особенно то, что уже долго жило»... Иккю, показывая разбитую вдребезги чашку, добавил: «Вашей чашке настало время умереть».

5. Чжаочжоу приказывает вымыть чашку

Некий монах обратился к Чжаочжоу с такими словами: «Я только что пришел в эту обитель. Дайте мне наставление». Чжаочжоу спросил: «Ты уже ел сегодня похлебку?» Монах ответил: «Да, ел». Чжаочжоу сказал: «Тогда пойди и вымой свою чашку».

6. Посох Бацзяо

Бацзяо дал ученикам такое наставление: «Если у вас есть посох, я дам вам его. Если у вас нет посоха, я отниму его у вас» [6].

Наконец, если верить Ж. Делёзу, пример парадоксального мышления и сопряженного с ним юмора в их диалектике обнаруживает стоическая мудрость, присутствующая в историях, пересказанных Диогеном Лаэртским. Например, об основателе школы Зеноне он пишет:

«Один киник попросил у Зенона масла в пузырек, потому что свое у него кончилось; Зенон ничего ему не дал, а когда тот пошел прочь, то крикнул вслед: “Скажи-ка теперь, кто из нас бесстыднее?”».

«Влюбленный в Хремонида, он сидел рядом с ним и с Клеанфом и вдруг встал; Клеанф удивился, а Зенон сказал: “Я слышал от лучших врачей, что при воспалении самое хорошее средство – покой”».

«Однажды он порол раба за кражу. “Мне суждено было украсть!” – сказал ему раб. “И суждено было быть битым”, – ответил Зенон».

«Мальчишке-болтуну он сказал: “У нас для того два уха и один рот, чтобы мы больше слушали и меньше говорили”». [4, с. 274–276]

А вот что о его ученике Клеанфе:

«Кто-то сказал ему, будто Аркесилай не делает того, что нужно делать. “Перестань, не ругайся, – сказал Клеанф, – на словах он отвергает надлежащее, а на деле утверждает”. “Лестью меня не возьмешь”, – сказал на это Аркесилай. “А я и не лью, – ответил Клеанф, – я ведь говорю, что ты твердишь одно, а делаешь другое”».

«Другого мальчика он спросил в разговоре: “Чувствуешь?” Тот кивнул, а Клеанф на это сказал: “Почему же я не чувствую, что ты чувствуешь?”».

«Одному нелюдиму, который разговаривал сам с собой, он сказал: “У тебя совсем неплохой собеседник!”» [4, с. 321–322]

В конце концов Хрисипп облакает парадокс в одеяния диалектических рассуждений:

«Кто раскрывает таинства непосвященным, тот кощунствует. Но первосвященник именно раскрывает их непосвященным. Стало быть, первосвященник кощунствует».

«Вот голова; она не твоя. Стало быть, есть голова, которой ты не имеешь. Стало быть, у тебя нет головы».

«То, что ты говоришь, проходит через твой рот. Ты говоришь: телега. Стало быть, телега проходит через твой рот».

«Размышляя, по его словам, на какие средства жить мудрецу, он пишет: “А зачем ему добывать средства к жизни? Если для того, чтобы жить, то ведь жизнь безразлична; если для наслаждения, то и оно безразлично; если для добродетели, то добродетель сама довлеет для счастья. Смехотворны и сами источники этих средств к жизни. Брать у царя? Тогда придется ему подчиняться. Пользоваться дружбой? Тогда дружба покупалась бы за деньги. Жить мудростью? Тогда мудрость сдавалась бы внаймы”» [4, с. 326–327].

Что объединяет суфийскую притчу, стоическую мудрость и коан дзен – логика парадокса, юмор, который проникает под покрывало истины и вздымает его, вызывая рефлекторные взрывы смеха. Глубина здесь равняется поверхности: мудрец подобен глупцу, невежа – учителю Века, а интуиция подменяет попавший впросак разум. При этом парадоксальность мышления неизмерима границами разума, это приватная граница, частный мир, мир *ιδίότη* – ведь первоначально идиот это просто человек с причудами. Логика парадокса и сопутствующий ей юмор присущ и тем сферам, где разум вступает в явное противоречие с действительностью, например, в армии, пополняющей запасы парадоксального юмора коанами наподобие дзен. Вот лишь избранные его образцы:

«А теперь закрой рот и скажи, где ты был.

Осмотрите дыру в заборе и доложите мне, с какой она стороны, с той или с этой?

Что, машина не заводится? Поехали, потом заведешь.

Что это над нами завис вертолет? Горючее что-ли кончилось?

Белье вы получите такое же белое, только синее.

Искать смысла нет, даже если найдем.

Займитесь личной самодисциплиной, иначе завтра ей займусь я.

Офицер без мечты, что собака без крыльев.

*Что за свинья здесь прошла?! Корова, что ли?!
Для солдата субботник – это дело добровольное, а не так, что
хочешь – участвуешь, а хочешь – нет.*

Снег должен быть белый и квадратный.

Мы будем изучать каждый раз новое, но почти одно и то же» [2].

Подобного же рода примеры демонстрирует и пресловутая «женская логика», правда в совершенно иной очаровательной манере, скажем в следующем типично женском рассуждении в изложении Д. В. Беклемищева (работа которого интересна и иными примерами подобного рода):

«Мне абсолютно не во что одеться! Этого надеть нельзя – так никто никогда не ходит. А это!? Разве я могу в этом пойти – все, все только такое и носят! А это я вчера надевала... Всё, больше совершенно ничего нет!» [1]

Однако то обстоятельство, что юмор успешно себя проявляет в сферах, имеющих мало отношения к философским, вовсе не является упреком в адрес философии или, наоборот, поводом для ее возвеличивания в глазах серьезных «поклонников глубины». Возвращаясь к размышлениям Ф. Ницше, не проводившего границ между мышлением и телесным опытом, физическим здоровьем и метафизической истиной, можно согласиться, что стремление избавиться от всего, докучающего разуму, избегать парадоксов мышления и бытия, быть серьезными вопреки обстоятельствам – есть симптомы тягчайшей душевной болезни. Недаром Ницше пишет: «Позволительно рассматривать все эти отважные сумасбродства метафизики, в особенности ее ответы на вопрос о *ценности* бытия, как симптомы определенных телесных состояний, и ежели подобные мироутверждения или мироотрицания, в научном смысле, все до одного не содержат и крупицы смысла, то они все же дают историку и психологу тем более ценные указания в качестве симптомов, как уже сказано, тела, его удачливости и неудачливости, его избытка, мощности, самообладания в объеме истории или, напротив, его заторможенности, усталости, истощенности, предчувствия конца, его воли к концу. Я все еще жду, что когда-нибудь появится философский *врач* в исключительном смысле слова – (...) – врач, обладающий мужеством обострить до крайности мое подозрение и рискнуть на следующее положение: во всяком философствовании дело шло доньше вовсе не об «истине», а о чем-то другом, скажем о здоровье, будущности, росте, силе, жизни...» [7, с. 324]. Философии претит оставаться скованной лишь мыслительными формами, она может вырываться за грани с помощью действия, что убедительно демонстрирует тот же кинический пример.

Единственной легитимной формой смеха, вменяемой философу, долгое время оставалась лишь ирония, стало быть, смех иронический, смех из глубины бытия, ставящий вопрос о формах его репрезентации, но остается принципиальная возможность совершенно иного отношения к философскому вопрошанию и поискам «метафизической глубины». Это испытание поверхности, обнаружение парадокса бессмыслицы и смысла, действия, побеждающего мысль,— это интуиция, лежащая между ratio и миром. Выходим ли мы здесь за грани философии или только через подобную форму смеха способен философствующий постичь «костный мозг» своего вопрошания, невидимые основания вопроса и ответа в парадоксе существования бытия и сознания?

При том, что данный текст по постмодернистски подчеркнuto преисполнен цитат, было бы крайне нежелательно отказаться от сформулированной в нем проблемы лишь на этом основании. Что в большей мере свидетельствует нам о философии и истине — слова или действия, противоречия или парадокс, разум или интуиция? Не показатель ли это того, что подлинную историю философии еще предстоит написать и осознать, а ее надежным проводником будет не ирония, а юмор, каковой, к слову, исповедовал один из самых своеобразных историков мысли — Диоген Лаэртский.

1. Беклемищев Д. В. Заметки о женской логике // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://kochev.info/ereader/beklemishev_zametki_o_genskoi_logike.pdf – Дата доступа: 11.12.2009.
2. Всепобеждающий армейский Дзен. Великая обойма основ армейской праджня-парамиты / Библиотека дзенских текстов / Электронный ресурс – Режим доступа: <http://klein.zen.ru/old/MahaOboyma.htm> – Дата доступа: 11.12.2009.
3. Делёз Ж., Логика смысла.– Фуко М., *Theatrum philosophicum*.– М.: Раритет.– Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
4. Диоген Лаэртский, О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов.– М.: Мысль, 1979.– 629 с.
5. Идрис Шах. Мыслители Востока. Пер. с англ.– М.: Эннеагон, 2009. –
6. Кости и плоть дзэн: Сто одна история дзэн / (илл. Кандинского В., Клее П.) Пер. с англ.– М.: ЭКСМО, 2000. –
7. Ницше Ф. Человеческое слишком человеческое; Веселая наука; Злая мудрость: Сборник.– Мн.: ООО «Попурри», 1997.– 704 с.
8. Платон. Апология Сократа // Платон, Собр. соч.: в 4-х т.– Т. 1.– М.: Мысль, 1990.– С. 70–96.